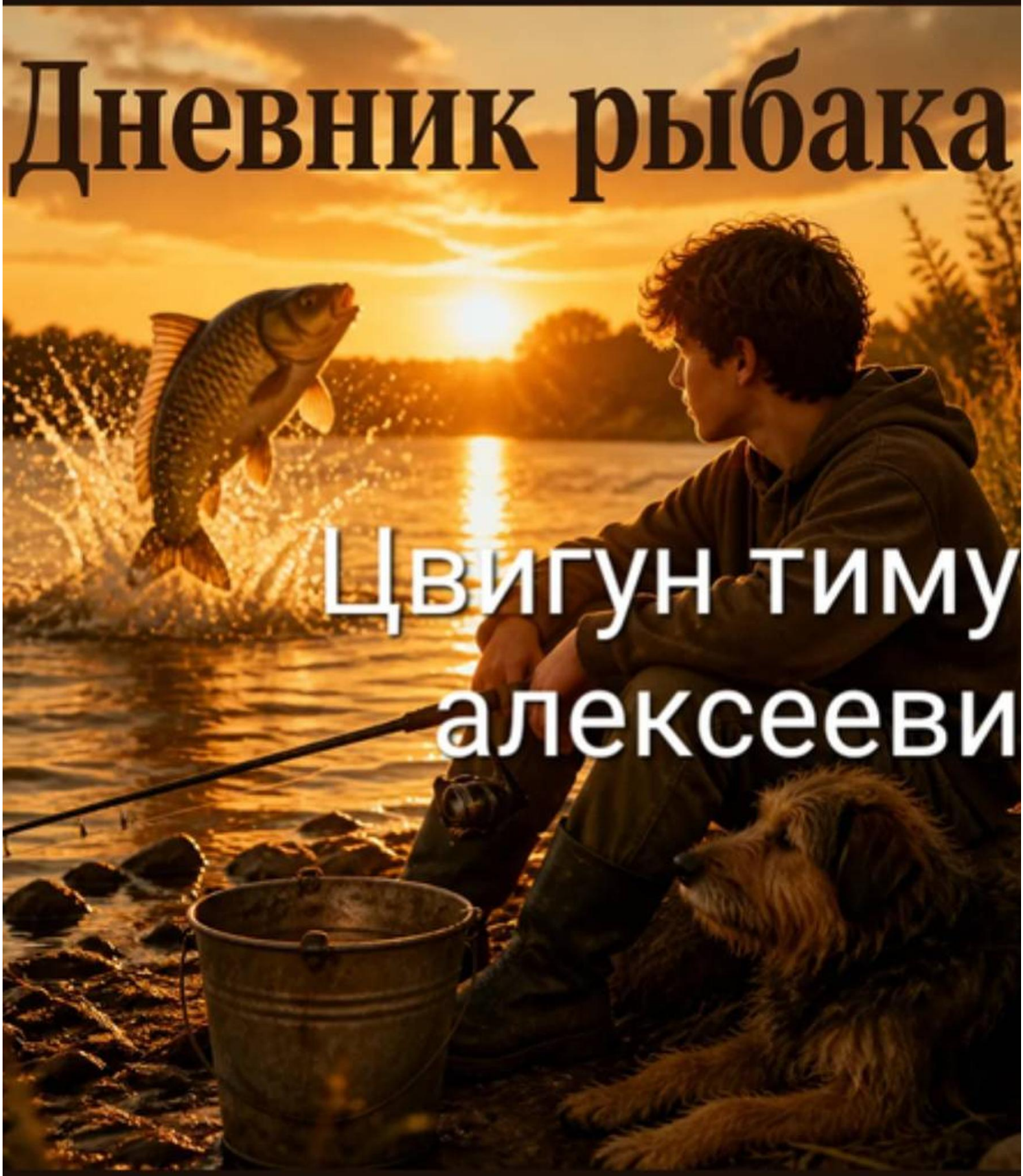
Дневник рыбака



Цвигун тиму
алексееви

Тимур Цвигун

Дневник рыбака 2

«Автор»
2026

Цвигун Т. А.

Дневник рыбака 2 / Т. А. Цвигун — «Автор», 2026

Егор вырос в городе, среди бетона и шума. Он не верит в байки отца, не верит в безликих и уж точно не верит в то, что у реки есть память. У него есть телефон, интернет и своя, городская жизнь.Но однажды он приезжает в посёлок Кривые Кочки. Туда, где его отец, Коля, когда-то ловил пельмени и валенки. Где на мостках всё ещё сидит тень старого пса, а в омуте ждёт девочка без глаз.Егор приходит на берег скептиком, но уходит отсюда другим человеком. Потому что река не спрашивает, веришь ты в неё или нет. Она просто течёт. И забирает тех, кто готов слушать.«Дневник рыбака. Книга вторая» — продолжение истории о мальчике, который стал рекой, и о его сыне, которому предстоит узнать, что чудеса существуют. И что они не всегда добрые.

© Цвигун Т. А., 2026
© Автор, 2026

Тимур Цвигун
Дневник рыбака 2

Байки с рыбалки 2

Глава 1. Отец врёт

5 июня. Приехал к отцу на всё лето. Река — большая, мутная, пахнет рыбой. Или тиной. Не пойму.

Меня зовут Егор. Мне тринадцать. Я живу в городе, в квартире с интернетом, доставкой пиццы и кондиционером. А теперь я здесь. В посёлке Кривые Кочки. У отца. На всё лето.

Отец сказал: «Порыбачим, сын. Это тебя изменит». Я спросил: «В каком смысле?» Он загадочно улыбнулся и ничего не ответил. Мне стало страшно.

Первое, что я сделал, — нашёл старый дневник. Он лежал в тумбочке, потёртый, с облезшей обложкой. Я открыл и начал читать.

«Глава 1. Щука на пельмени».
Я засмеялся. Серьёзно? Пельмени? Носки? Валенки? Отец что, прикалывается? Это же смешно.

«Глава 2. Голос из омута».
Я перестал смеяться. Девочка без глаз? Крест? Воронка? Бред. Это же не может быть правдой. Отец просто придумал.

«Глава 3. Последний лещ деда Егора».
Я закрыл дневник. Начинало становиться жутковато. Старик, который умер, но пришёл на рыбалку? Бред. Но почему-то у меня побежали мурашки.

Я подошёл к отцу. Он сидел на крыльце, чистил удочку. Я спросил:

— Пап, это правда? Всё, что написано в дневнике?

Он посмотрел на меня. Улыбнулся.

— Каждая буква, сын.

— Но это невозможно! Девочка без глаз? Метеорит? Голос из будущего?

— Невозможно, — согласился он. — А потом оказалось, что возможно.

Я закатил глаза.

— Ты просто прикалываешься. Не может быть, чтобы река была живой. Это просто вода. В ней водятся рыбы. Всё. Точка.

— Поживёшь — увидишь, — сказал он и отвернулся.

Я решил доказать ему, что он ошибается. Я пойду на реку и поймаю нормальную рыбу. Без пельменей, без валенок, без девочек. Просто рыбу. И тогда он признает, что все его истории — это байки для детей.

Я взял его удочку, насадил червя (нормального, из банки) и пошёл на затон. Тот самый, где всё происходило.

Там было красиво. Вода — зелёная, спокойная, с кувшинками. Ивы склонялись над берегом. Я сел на тот самый камень, где отец сидел в своей истории, и забросил.

— Ну, давай, рыба, — сказал я. — Докажи, что мой отец — не сказочник.

Прошло полчаса. Ничего.

— Ну, давай, — повторил я. — Я жду.

Ещё полчаса. Тишина.

— Конечно, — сказал я громко. — Потому что рыбы здесь нет. И никаких девочек нет. Отец просто выдумал всё, чтобы казаться крутым.

И тут я услышал звук. Не плеск — тихий смех. Детский. Девочки.

Я обернулся. Никого. Только ветер шевелит листву.

— Кто здесь? — спросил я.

Тишина. Смех повторился, но теперь он шёл из воды. Я посмотрел на реку. Вода была спокойной. Но в центре затона, там, где была глубина, я увидел круги. Маленькие круги, которые расходились от точки. Там, где воды касался кто-то.

Я пригляделся. И увидел лицо. Девочки. Она смотрела на меня из воды, улыбалась, и глаза её были... глаза были обычными. Карими. Живыми. Не чёрными дырами.

— Привет, — сказала она. — Ты сын Коли?

Я отшатнулся.

— Ты... ты существуешь?

— Конечно, — сказала она. — Я здесь всегда. Твой отец меня видел, когда был как ты. Я тогда выглядела страшнее. Это была моя грустная версия. Теперь я счастливая. Я ждала, когда он вернётся. А пришёл ты.

— Ты... ты кто? — спросил я, не веря своим ушам.

— Настя. Я утонула здесь. Но это не страшно. Теперь я — река. Или часть реки. Или река — часть меня. — Она засмеялась. — Не бойся. Я не злая. Просто хотела познакомиться. Твой папа рассказывал про меня?

— Рассказывал, — выдавил я. — Но я не верил.

— А теперь?

— Теперь начинаю верить.

Она улыбнулась и помахала рукой.

— Приходи ещё. Я покажу тебе то, чего не показывала ему. Только не бойся. Я теперь добрая.

И она исчезла. Просто растворилась в воде. Круги сомкнулись, и река стала снова спокойной.

Я сидел на камне с открытым ртом и смотрел на воду. Потом на удочку. Потом снова на воду.

И тут клюнуло.

Сильно. Резко. Удочка согнулась дугой. Я подсек, начал вываживать. Рыба была огромной. Я боролся с ней, потел, ругался, но вытащил.

На берегу лежала щука. Огромная, зелёная, с жёлтым брюхом. И в её зубах болтался... старый носок. Серый, трикотажный, с дыркой на пятке.

Я засмеялся. От души. До слёз.

— Папа был прав, — сказал я. — Река любит приколы.

Я снял носок с крючка, снял щуку. Подержал её в руках. Она смотрела на меня, и в её глазах было что-то... старое. Мудрое. Как будто она знала меня давно.

— Иди, — сказал я. — Ты заслужила свободу.

Я опустил щуку в воду. Она постояла у берега, потом вильнула хвостом и уплыла. Носок я бросил обратно в воду — пусть плавает.

Домой я вернулся мокрый, грязный, но счастливый. Отец сидел на крыльце.

— Ну что? — спросил он. — Поймал?

— Поймал, — ответил я.

— На что? На пельмени?

— На червя. Но вытащил щуку. С носком.

Он засмеялся.

— Видишь? Врёшь, не врёшь, а байки сами приходят.

Я сел рядом с ним, взял его блокнот и написал на первой странице:

«Глава 1. Щука и носок. Сын Коли не верит в сказки. Теперь верит».

И подписал: «Егор. 13 лет. Посёлок Кривые Кочки. Начало истории».

Егор.
13 лет.
Река. Тишина. Байки только начинаются.

P.S. Она была настоящей. Я видел. Она улыбалась. Я обещал прийти снова. И я приду. Только в этот раз я буду готов. Носки, носок — неважно. Главное — она не злая. Она просто ждала.

P.P.S. Я перечитал дневник отца. Там написано: «Мы приходим на реку за рыбой, а находим себя». Я думал, это красивая фраза. А теперь я понимаю: это инструкция.

Конец главы 1. СПСС.

Глава 2. Городской червь

7 июня. Солнце печёт, как сковородка. Вода в реке — парное молоко. Комары размером с вертолёты. И я, городской дурак, который думал, что рыбалка — это просто.

После встречи с девочкой Настей я был на взводе. Мне хотелось доказать отцу, что я не просто верю в его байки — я могу создавать свои. Я хотел поймать что-то невероятное. Что-то, что он не ловил.

— Пап, — сказал я за завтраком. — Я хочу попробовать ловить на что-то крутое. Современное. Не на червей, как в прошлом веке. На искусственные приманки.

Отец поднял бровь.

— Искусственные?

— Ну да. Воблеры, блёсны, силиконовые черви. В интернете пишут, что они работают лучше любых живцов. Рыба на них клюёт как бешеная.

Отец почесал затылок.

— Сынок, ты читал мой дневник. Ты видел, что там написано про живца. Я не использую его никогда. Но если ты хочешь попробовать что-то новое — давай. Только не говори потом, что я не предупреждал.

Он выдал мне коробку с приманками, которые привёз из города пару лет назад. Они лежали нетронутые, с бирками. Дорогие. Яркие. Кислотно-зелёные, неоново-розовые, с блёстками и пропеллерами.

— Это не приманки, — сказал я. — Это произведения искусства.

— Рыба так не считает, — ответил отец. — Иди, попробуй. Я буду на мостках.

Я пошёл на затон. Место было то же, но я чувствовал себя по-другому. Вооружённым. Современным. Я достал свой смартфон, включил видео, чтобы снять свой первый трофей. «Привет, подписчики! Сегодня я ловлю на самые крутые приманки...»

Я выбрал воблер. Маленькую рыбку, которая плавала как настоящая. Она была красная, с чёрными точками, с двумя тройными крючками. Красота.

Я забросил. Начал проводку. Медленно. Потом быстрее. Потом рывками, как учили в ютубе.

Ничего.

— Ладно, — сказал я в камеру. — Воблер не работает. Попробуем силиконового червя.

Силиконовый червь был ярко-розовым. Он пах пластиком и почему-то ванилью. Я насадил его на офсетный крючок, забросил. Проводка по дну. Прыжками. Ещё раз.

Ничего.

— Странно, — сказал я. — Может, рыба не любит розовый?

Я сменил на блесну. Колеблющуюся. Серебряную, с красной точкой. Она сверкала на солнце, как маленькая звезда. Я забросил, начал равномерную проводку. Блесна шла красиво, играла, переливалась.

И тут клюнуло.

Я подсек. Удочка согнулась. Леска зазвенела. Что-то мощное, тяжёлое тянуло вниз. Я начал вываживать, снимая всё на телефон.

— О да! — кричал я. — Это оно! Это то самое! Сейчас я покажу отцу, что значит городская рыбалка!

Я тянул, потел, ругался, но добыча не сдавалась. Минута, две, три. Наконец я вытащил её на берег.

И обомлел.

На крючке сидел... старый ботинок. Зелёный, кирзовый, с оторванной подошвой. Из ботинка торчал хвост. Маленький, полосатый — рак. Он сидел внутри и щипал воздух клешнями.

— Что за?.. — я выключил камеру.

Я вытащил ботинок, вытряхнул рака. Тот упал на траву, растерянно повертел усами и пополз обратно в воду.

— Это не рыба, — сказал я ботинку. — Ты не рыба.

Ботинок молчал.

Я разозлился. Достал силиконового червя, насадил его, забросил снова. На этот раз — дальше, глубже. Проводка. Ещё проводка.

Клюнуло опять. Рывок, тяжесть, борьба. Я вытащил. На крючке висела банка. Консервная, из-под тушёнки, вся в тине.

— Ну, блин! — заорал я. — Я что, мусорщик, а не рыбак?

Я перезабросил. Блесна. Воблер. Другой воблер. Смена цвета. Смена проводки. Ещё блесна.

Каждая поклёвка приносила один и тот же результат: пластиковая бутылка, старый кепка, ещё один ботинок (правый, в пару к первому), ржавая кружка, и даже один женский тапочек с цветочками.

К вечеру у меня на берегу лежала целая коллекция мусора. Я сидел на камне, смотрел на это богатство и тихо ненавидел реку.

— Ты издеваешься, — сказал я воде. — Почему ты даёшь отцу рыбу, а мне — мусор?

Вода заволновалась. Из глубины, где обычно плавала Настя, донёсся смех.

— Потому что ты не умеешь ждать, — сказала она, не показываясь. — Ты хочешь поймать всё сразу. На быстрые, яркие приманки. Ты думаешь, рыба — дура? Она видит твой пластик. Она слышит твой телефон. Она чувствует твоё нетерпение.

— И что мне делать? — спросил я.

— То же, что делал твой отец, — ответила она. — Сядь. Успокойся. Позволь реке показать себя.

Я вздохнул. Спрятал телефон. Снял блесну. Положил на крючок живого червя — обычного, из банки, который пах землёй и дождём. Забросил. И сел.

Прошло десять минут. Я смотрел на поплавок, а не в телефон. Ветер шевелил воду. Стрекозы летали над кувшинками. Тишина.

Поплавок дёрнулся. Я не подсекал.

— Терпение, — сказал я себе. — Ещё.

Поплавок ушёл под воду. Я подсек. Мягко, без рывка. Удочка согнулась, но не резко. Я вываживал медленно, осторожно, без криков.

На берегу лежал карась. Золотистый, пузатый, с красноватыми плавниками. Небольшой, но красивый. Настоящий.

Я снял его с крючка, подержал в руках.

— Спасибо, — сказал я воде. И отпустил.

Из воды показалась голова Насти.

— Молодец, — сказала она. — Начинаешь понимать.

— Ты мне помогала? — спросил я.

— Я не помогаю. Я просто показываю. Кто хочет видеть — тот видит.

И она исчезла.

Домой я вернулся без рыбы, без видео, без доказательств. Но с пустым ведром и полным карманом мусора, который я собрал с берега.

— Ну что? — спросил отец. — Поймал что-то современное?

— Поймал, — ответил я. — Понимание.

— Понимание чего?

— Что река не любит пластик. И что я — городской дурак, который думал, что знает всё.

Отец улыбнулся.

— Садись. Будем чай пить.

Я сел рядом.

— Пап, — сказал я. — А почему ты мне не сказал, что река — она живая?

— Я говорил. Ты не слушал. Ты смотрел в телефон.

— Теперь буду слушать.

Мы пили чай. Молчали. Смотрели на закат.

Егор.
13 лет.
Вечер. Чай. Новое понимание.

P.S. Я выкинул все искусственные приманки. Всю коробку. Оставил только червей и дождевых червей. Они работают лучше. Потому что они живые. Потому что они настоящие.

P.P.S. Я всё ещё не верю во всё, что написано в дневнике отца. Но теперь я знаю: река — это не вода. Это кто-то. И она с тобой разговаривает. Только надо уметь слушать.

Конец главы 2. СПСС.

Глава 3. Тень Бублика

10 июня. Утро. Солнце только встаёт, и туман стелется над водой, как призрак. Я не знаю, что меня ждёт, но чую — сегодня что-то будет.

После истории с искусственными приманками я стал чаще прислушиваться к реке. Не потому что я вдруг стал философом, как тот профессор из папиных рассказов, а потому что Настя была реальной. Я видел её. Она со мной говорила. И это меняло всё.

Каждое утро я выходил на крыльцо, смотрел на реку и ждал. Ждал, что она что-то скажет. Но она молчала. Только ветер рябил воду, и стрекозы летали над камышами.

— Ты её больше не видишь? — спросил отец за завтраком.

— Нет, — ответил я. — С того дня ни разу.

— Значит, она ждёт. Когда ты будешь готов.

— К чему?

Отец пожал плечами.

— К следующему уроку. Я много раз видел её. И каждый раз она показывала что-то новое. Сначала — страх. Потом — надежду. Потом — прощание. Может, у тебя будет что-то другое.

Я задумался. Что может быть «другим»? Девочка уже не страшная. Она улыбается. Она добрая. Чего ещё ждать?

Но я не стал спорить.

После завтрака отец ушёл на работу (он работал на лесопилке, и я часто оставался один). Я сидел на крыльце, пил чай и смотрел на дорогу, которая вела к реке. И тут я увидел его.

Пёс.

Он шёл по дороге медленно, с достоинством. Старый, облезлый, с одним торчащим ухом и поджатым хвостом. Он хромал на правую заднюю лапу и иногда останавливался, чтобы перевести дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.